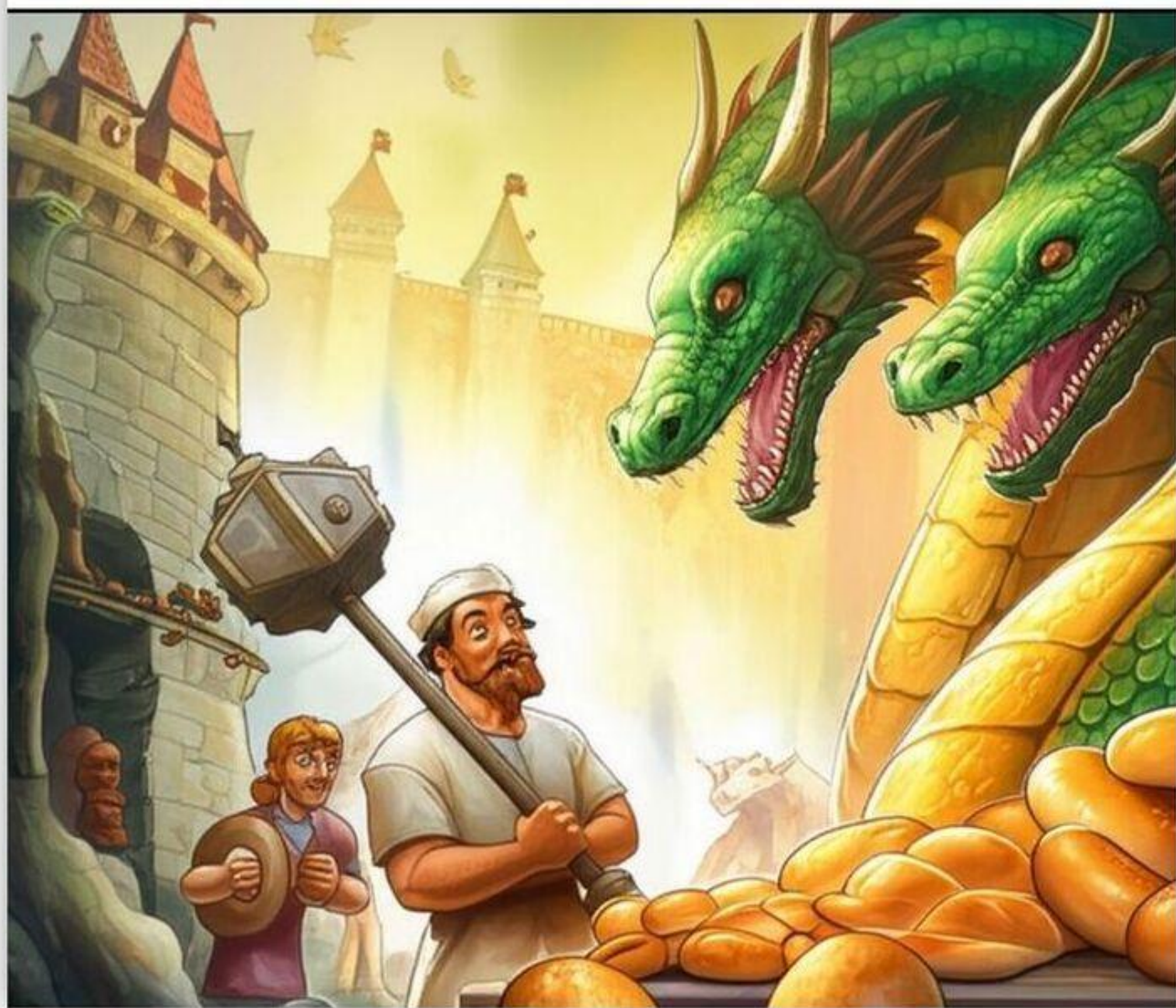

12+ Алексей Королев

Иван Спасатель и заповедный край

Алексей Королев

**Иван Спасатель
и заповедный край**

«Издательские решения»

Королев А.

Иван Спасатель и заповедный край / А. Королев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674951-1

Дорогой читатель! Представь себе обычного спасателя МЧС. Ваняша — человек глубоко верующий. Его вера — не в долгих проповедях, а в действии. В том, чтобы прийти на помощь. В коротком «Господи, помоги!», вырвавшемся из груди в самый критический момент. В благодарном «Слава Богу!», когда опасность миновала. И в маленькой иконке Николая Чудотворца, что всегда с ним.

ISBN 978-5-00-674951-1

© Королев А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1: Буран, Буханка и Балбесы Лютые	7
Глава 2: Колокол Молчания и Монах с Кувалдой (Побольше)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Иван Спасатель и заповедный край

Алексей Королев

Иллюстратор ChatGPT

© Алексей Королев, 2026

© ChatGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0067-4951-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ:

Дорогой читатель!

Представь себе обычного спасателя МЧС. Не супермена в трико, а мужика в засаленной форме, с мозолистыми руками и вечным спасательным мультитулом на поясе. Человека, который знает, как вытащить тебя из-под обвала, потушить пожар в три счета и найти подход к самому отчаявшемуся — обычно с помощью крепкого словца, чая покрепче и здоровой порции спасательного юмора. Зовут его Иван Строев, но для друзей — просто **Ваняша**.

Ваняша — человек глубоко верующий. Его вера — не в долгих проповедях, а в действии. В том, чтобы прийти на помощь. В коротком «Господи, помоги!», вырвавшемся из груди в самый критический момент. В благодарном «Слава Богу!», когда опасность миновала. И в маленькой иконке Николая Чудотворца, что всегда с ним, рядом с куском сала «на черный день».

Но однажды, спасая странного старичка (явно не от мира сего!), Ваняша вместе со своим верным «УАЗиком» -буханкой совершает вынужденную посадку... не просто в другом городе, а в другом мире! Добро пожаловать в **Белогорье**!

Забудь про эльфов и орков. Здесь Русь, какую она могла бы быть — благочестивая, крепкая, с белокаменными храмами и добрым князем. Но и вызовы тут особенные. Не драконы жгут деревни, а **Лихоманки** сеют уныние так, что мужики печки топить забывают. Не гоблины воруют золото, а **Пустодомки** крадут время и смысл жизни, заманивая в пустые забавы. А уж **Кривды** так и норовят влезть в доверие к князю да всю правду перекрутить! Здесь нечисть — это не сказочные монстры, а самая что ни на есть **персонифицированная духовная брань**: грехи, страсти и бесовские козни, обретшие причудливые (и порой весьма смешные) формы.

Вооружившись своей непоколебимой верой, спасательной смекалкой, неистребимым чувством юмора (которое помогает не пасть духом в самой отчаянной ситуации), надежным мультитулом и, конечно же, «буханкой», Иван Строев оказывается самым неожиданным, но, возможно, самым эффективным «специалистом» в борьбе с этой напастью.

Почему? Потому что он знает главное: **любую ЧС, даже духовного характера, можно локализовать и ликвидировать**. Нужны: грамотная оценка обстановки, слаженная команда (пусть даже в нее входит бывший богатырь-монах, местный знахарь-травник и Змей Горыныч, мечтающий о собственной пекарне), надежный инструмент (от кувалды до молитвы «Отче наш») и твердая уверенность, что Господь не оставит тех, кто помогает другим.

Эта история — о невероятных приключениях простого русского спасателя в заповедном краю, где чудеса случаются по молитвам, а бесовские козни разбиваются о веру, доброту и здоровый практический смысл. Где святую воду можно налить в огнетушитель (на крайний случай!), а лучшим противоядием от уныния становятся крепкий чай, баня да искрометная шутка.

Будет ли страшно? Иногда — да, ведь враг души коварен. Будет ли смешно? Надеюсь, что да, ведь юмор — оружие против тьмы не менее важное, чем крестное знамение. Будет ли душеполезно? Старались, чтобы так и было, ибо основано все на главном: вере, надежде, любви и готовности прийти на помощь ближнему, даже если этот ближний — Змей о трех головах с несбыточной мечтой о булочной.

Пристегнись покрепче и держись за сало — патрулирование Белогорья начинается!

Глава 1: Буран, Буханка и Балбесы Лютые

Холод. Такой, что казалось, даже воздух трещал, ломаясь на ледяные иголки при каждом вдохе. Ваняша сидел за рулем своего верного «УАЗика», прозванного «Буханкой» за форму и нерушимую надежность, и с тоской смотрел в лобовое стекло, затянутое морозными узорами. За стеклом бушевал настоящий **Белоснежный Апокалипсис**. Буран. Не просто метель, а что-то запредельное, белое, ревущее, стремящееся стереть с лица земли все живое.

«Ну вот, докладываю: точка назначения — неизвестна. Координаты — сбило вместе со спутником, похоже. Видимость — нулевая. Температура — ниже плintуса. Запас сала...» — он копнулся в карман куртки, — «...критический. Чудотворец на месте. Настроение — бодрящее, как этот ветер в радиатор. Эх, старик, ну и куда ты меня занес?»

Он вспоминал того самого старичка — крохотного, бородастого, в странной, будто из лоскутков света сшитой одежде. Вытащил его из снежной ловушки под поваленной сосной, оттер снегом, напоил горячим чаем из термоса («Последний, прости Господи!»). А старичок в благодарность... чиркнул пальцем по воздуху, будто рвал ткань. И Ваняша с «Буханкой» провалялись не в сугроб, а в этот самый... Белогорский буран.

Внезапно сквозь вой ветра и скрежет снега по кузову пробился другой звук. Тонкий, отчаянный, человеческий. Плач? Или зов о помощи?

«Ага! Работа!» — инстинкт спасателя сработал мгновенно, смыв усталость и тоску. Ваняша включил все фары (бесполезно, но для бодрости духа), разгоняя «Буханку» по едва угадываемой дороге на звук. Скоро он различил смутные очертания саней, безнадежно увязших в снегу. Рядом металась фигура — женщина, закутанная в сто одежек, пыталась поднять упавшую лошадь. Животное лежало на боку, тяжело дыша, глаза полны безысходного страха.

«Стоять! Не дергайся!» — рявкнул Ваняша, выскакивая из машины. Буран тут же попытался его сбить с ног. «Ах ты, злюка! Ну погоди!» — он ухватился за борт саней, подтянулся к женщине. «Что случилось? Кто с тобой?»

«Дочка... Малаша!» — женщина, тетка Арина, как выяснилось позже, тыкала трясущейся рукой в сани. — «Заблудились... Лошадь споткнулась... сломала ногу, бедная... А дитятко... горит! Дорогой, помоги! До Покровского рукой подать, да в эту потьму...»

Ваняша заглянул в сани. Маленькая девочка лет пяти, завернутая в тулупы, пылала жаром. Дышалось ей тяжело. Классика: пневмония на фоне переохлаждения. Промедление — смертельно.

«Покровское? Это где?» — спросил Ваняша, уже доставая из «Буханки» свою волшебную сумку МЧС-ника: бинты, грелки, термос с последним чаем (жалко, но куда деваться), аптечку.

«Да вон, за лесом! Село! Церковь там, отец Никодим...» — Арина махнула рукой в белесую мглу.

«За лесом» в такую пургу — верная гибель пешком. Лошадь не поднять. «Буханка» саней не вытянет — не хватало еще застрять по уши. Мысли метались быстрее снежинок. И тут он *почувствовал*. Не холод, не ветер. Нечто другое. Тяжелое, липкое, ползучее. Отчаяние? Да. Но не только. Что-то... *добавлялось* к этому отчаянию. Как яд в рану.

«Лихоманка...» — прошептала Арина, крестясь. — «Она близко. Чувствую... Ох, доконали нас!»

Ваняша не видел никакого монстра. Но он видел, как тетка Арина вдруг обмякла, опустив руки. Видел, как в глазах упавшей лошади вспыхнул огонек безумия — она забилась, пытаясь встать на сломанную ногу, причиняя себе адскую боль. И даже в жарком дыхании Малаши ему почудился не просто жар, а какая-то злая, иссушающая сила. **Лихоманка Колочая**. Невиди-

мая, но осязаемо страшная. Она не нападала — она *просачивалась*, усиливая ужас, отчаяние, боль, парализуя волю.

«Ну уж нет! — рявкнул Ваняша так, что даже лошадь на мгновение замерла. — Не заводись! Отбой, тревога!» Он схватил тетку Арину за плечи. «Слушай сюда, боец! Пока ты руки опускаешь — дочка твоя на том свете балансирует! Лошадь жалко? Так давай ей *поможем*, а не нюни распускаем!»

Он действовал быстро, как на пожаре:

— **Лошадь:** Безжалостно (но профессионально) вколол обезболивающее, зафиксировал сломанную ногу импровизированной шиной из лыжной палки и ремней. «Держись, Бурка! Жить будешь! Потом тебе салыца лучшего привезу!»

— **Малаша:** Завернул девочку в спасательное термоодеяло, дал жаропонижающее из аптечки, влил в рот глоток теплого сладкого чая. «Ты держись, Малаш! Дядя Ваня тебя в баньке отпарит, как следует!»

— **Арина:** Сунул ей в руки грелку и фонарик. «Твоя задача — светить мне под руки и не думать о плохом! Пой песни! Огурцы соленные вспоминай! Все, что угодно, только не эту... Лихоманку!»

Пока он работал, буран, казалось, зверел еще больше. Ледяные иглы били в лицо. Ветер был так, что заглушал собственные мысли. А та липкая, давящая тоска — росла. Ваняша чувствовал, как его собственные силы начинают утекать, как песок сквозь пальцы. Мысли о безысходности, о том, что все зря, что они тут все замерзнут... Они лезли в голову, как назойливые мухи. Лихоманка работала.

«Господи, помоги! — вырвалось у него, больше по привычке. — Ну дай же мне... дай хоть знак, куда ехать-то?!»

И тут его взгляд упал на маленькую иконку Николая Чудотворца, прикрепленную к торпедо. Снежинка, попавшая внутрь через щель, прилипла прямо к лику Святителя... и не таяла. Странно. Ваняша машинально стер ее. И... *увидел*. Сквозь мутное стекло, в том направлении, куда «смотрел» лик Святителя, буран на мгновение *ослаб*. Будто белая стена чуть раздвинулась, показав темный массив леса и слабый, едва уловимый желтый огонек вдалеке. Церковь? Покровское!

«Ага! Чудотворец работает! — Ваняша хлопнул рулем. — Арина, цепляйся! Малашу — ко мне на колени, тепло держать! Бурку... прости, дружище, погрейся в санях. За тобой вернемся!»

Он затащил Арину и Малашу в «Буханку». Тесно, душно, пахнет бензином, соляркой и надеждой. Двинул в ту сторону, куда указала иконка. Буран тут же сомкнулся за ними, словно пытаясь догнать. «Буханка» редела мотором, продираясь сквозь сугробы. Казалось, вот-вот встанет. Лихоманка Колючая не отставала. В голове Ваняши вертелись мысли: «Сломаемся... Кончится бензин... Девочка не доедет... Все зря...». Он стискивал зубы.

«Арина! Пой! — крикнул он, включая дворники, которые безнадежно отмахивались от снежной массы. — Что-нибудь бодрое! Про огурцы!»

«Да... да как же петь-то...» — всхлипнула женщина.

«А ты попробуй! — Ваняша нащупал в кармане последний кусочек сала, отломил половину, сунул Арине. — На, подкрепись! И пой! Громче! Назло этой... колючке лиховой!»

И тетка Арина, дрожащим, но набирающим силу голосом, запела. Сначала тихо, потом громче. Какую-то бесконечную, грубоватую, но удивительно жизнеутверждающую частушку про неудачливого жениха и веселую вдовушку. Ваняша подхватил припев, орудуя рулем и педалями, как на ринге. Малаша на его коленях слабо зашевелилась.

И случилось чудо. Не мистическое сияние, не ангельский хор. А просто... стало легче. Тяжесть отчаяния чуть отступила. Лихоманка не исчезла, но ее ядовитые иглы словно затупились о эту простую, грубоватую песню и упрямую волю людей, не сдающихся без боя.

«Буханка» выкарабкалась на более-менее накатанную дорогу. А впереди, сквозь белое марево, замаячил силуэт деревянной церквушки с теплым огоньком в окне. **Покровское!**

«Вижу! — заорал Ваняша. — Держим курс на огонек! Готовься к высадке, десант!»

Он врубил клаксон. Пронзительный, спасительный гудок «Буханки» разорвал вой бурана, словно вызов всей этой белой тьме и ползучей Лихоманке. «Уа-а-а-а!» — ревела машина, несясь к спасению. Ваняша рискнул глянуть в зеркало заднего вида. Сквозь снежную пелену ему почудилось... нечто. Не фигура, а скорее сгусток колючего мрака, отступающий от ревающего железа и человеческого упорства. Он усмехнулся.

«Докладываю: Лихоманка Колючая отступила на первом этапе. Огневая поддержка (чапушки и сало) сработала. На подходе к пункту назначения. Сало... — он с тоской посмотрел на крошечный оставшийся кусочек, — ...на исходе. Чудотворец, похоже, доволен. Приступаем к сдаче груза — мама и дочь, одна в критическом состоянии. Прием».

«Буханка» с грохотом остановилась у крыльца небольшого деревянного дома рядом с церковью. Дверь распахнулась, и на пороге появился коренастый, бородатый батюшка в подряснике, с умными, пронизательными глазами — отец Никодим. Его взгляд скользнул по заиндеветшей «Буханке», по Ваняше в спасательной форме, по плачущей Арине и горящему комочку в его руках.

«Господи помилуй! — воскликнул священник. — Да неужто из бурана? Живые?»

«Живые, батюшка! — Ваняша бережно передавал Малашу. — Но девочке срочно нужна помощь. Лихоманку подцепили, да и холод...»

Отец Никодим кивнул, уже забирая ребенка, его движения были быстрыми и уверенными. «Неси в дом, к печке! Арина, иди сюда, отогрейся! А ты, добрый человек...» — он внимательно посмотрел на Ваняшу, — «...судя по всему, не местный? И колесница твоя... весьма примечательна».

«Иван Строев, батюшка. Спасатель. Заблудился, — коротко представился Ваняша, чувствуя, как усталость наваливается на него всей тяжестью бурана. — А колесница — „Буханка“, рабочая лошадка. Помогла добраться».

«Спасатель... — повторил отец Никодим, и в его глазах мелькнуло что-то понимающее, словно он увидел не просто человека, а его путь сквозь метель и незримую Лихоманку. — Ну что ж, Иван Спасатель, добро пожаловать в Покровское. Заходи, отогрейся. А потом... потом поговорим. Думаю, ты нам очень нужен. В Белогорье поднимается **Кривда Шептунья**, и без человека с кувалдой и... „Буханкой“ нам не справиться».

Ваняша взглянул на свою машину, покрытую слоем снега, но все еще надежную. Потом на теплый огонек в доме. Потом в карман, где лежал последний кусочек сала и маленькая иконка.

«Докладываю: первый этап спасательной операции завершен. Груз доставлен. Точка дислокации — Покровское. Наличие враждебных элементов (Лихоманка, Кривда) подтверждено. — Он тяжело вздохнул, но в уголках губ дрогнула улыбка. — Батюшка, а у вас тут чайник найдется? И сало... ну, на крайняк? А то мой НЗП („неприкосновенный запас продовольствия“) на исходе. Приступаю к разведке местных ресурсов».

За дверью дома пахло хлебом, теплом печи и надеждой. А где-то в белой мгле бурана, отступившая, но не побежденная, колючая тень Лихоманки выжидала нового шанса. Приключения только начинались.

Глава 2: Колокол Молчания и Монах с Кувалдой (Побольше)

Тепло покровского дома, запах хлеба и травяного чая обволакивали Ваню, как спасительное одеяло. Малашу уложили на печь, отец Никодим уже готовил какие-то снадобья, а тетка Арина, отогревшись, взахлеб рассказывала батюшке о чудесном спасении и «железной колеснице». Ваняша сидел у стола, уничтожая тарелку дымящейся картошки с грибами и причмокивая от удовольствия. Местное сало (толстое, душистое!) лежало рядом, как трофей.

«...и как он Бурку-то поднял! — восхищалась Арина. — Шину из палки сделал! А потом как запели мы... и Лихоманка аж завyla! Отступила, окаянная!»

Отец Никодим кивал, его умные глаза изучали Ванюшу. «Сила духа да молитва — против уныния первое дело, — сказал он. — А смекалка твоя, Иван, и впрямь от Бога. Но вот беда...» Он вздохнул, поставив перед Ваняшей еще одну кружку чая. «Лихоманка — цветочки. В корнях сидит **Кривда Шептунья**. Завелась у нас в Покровском, да так ловко, что и не поймешь, где правда, где навет».

Ваняша проглотил картофелину. «Кривда? Это которая смуту сеет?»

«Именно. Слова перевирает, слухи пускает, шепчет на ухо то одно, то другое. Мужики на сходке чуть не подрались вчера — из-за межи, что ли? Кузьма Плотник с Петром Кожемякой, соседи вековые, вдруг как кошки с собаками! А Матрена Пекариха... та и вовсе объявила, что отец Никодим свечки церковные воровал да мед пил!» — Арина аж всплеснула руками.

«Мед? — удивился батюшка. — Да я от меду-то чихаю, как от черта лысого!»

«Вот то-то и оно! — Арина понизила голос. — А колокол наш Покровский... замолчал».

Ваняша насторожился. «Как замолчал? Сорвали язык?»

«Хуже, — мрачно сказал отец Никодим. — Звонит, да... криво. Звон стал какой-то хриплый, фальшивый. Будто сам колокол сомневается, что звонит. Люди мимо церкви идут — не крестятся, головы опускают. А уж о том, чтобы на службу собраться... Кривда Шептунья свое дело сделала. Разъединила, посеяла недоверие. Храм без общего звона и молитвы — как крепость без гарнизона».

Ваняша отложил ложку, мысленно переключаясь в режим «ЧС: Духовный разлад». «Так. Симптомы: коллективная паранойя, фальшивая информация, нарушение коммуникации, выход из строя ключевого сигнального устройства — колокола. Причина: внешний агент — Кривда Шептунья. Цель: дестабилизация обстановки». Он достал свой блокнот МЧС (чуть влажный, но живой) и карандаш. «Батюшка, этот колокол... он давно так? Физически цел?»

«Цел-то цел, — отец Никодим пожал плечами. — Да вот звону нет. Мастеров звали — те руками разводят. Говорят, колокол „обиделся“ или „дух потерял“. Чушь, конечно, но...»

«В механике чуши не бывает, — отрезал Ваняша. — Либо материал, либо крепление, либо... внешнее воздействие». Он вспомнил липкое чувство Лихоманки. «Можно посмотреть?»

Колокольня Покровской церкви была невысокой, деревянной. Лестница скрипела под ногами. Поднявшись, Ваняша увидел колокол — не огромный, но солидный, бронзовый, висящий на прочной дубовой балке. На первый взгляд — все в порядке.

«Ну-ка, давай проверим твою акустику, дружище», — пробормотал Ваняша, беря веревку от языка колокола. Он дернул — привычным, резким движением звонаря (курс молодого бойца МЧС включал и такое, на случай разрушений).

Звук... был. Но он не лился чистым, радостным медным звоном. Он был каким-то **сплюснутым**, хрипловатым, с противным дребезжанием на послезвучии. Будто колокол звонил сквозь тряпку или... сквозь ложь.

«Фу, — поморщился Ваняша. — И правда, как похмелье после плохой водки. Не порядок».

Он начал осмотр. Простукивал колокол костяшками пальцев — везде чистый звук. Проверял крепление ушей к балке — все заклепки на месте, люфта нет. Осматривал язык — цел, подвешен правильно. Он уже начал чесать затылок, чувствуя подколки невидимой Кривды («Ну что, умник? Не по зубам задачка?»), как его взгляд упал на **место соединения языка с веревкой**. Там, где толстая пеньковая веревка вплеталась в ушко языка, что-то блеснуло. Не металл. Что-то... липкое, серо-черное, похожее на спутанную паутину, смешанную с сажей и горечью. И от этого места тянулись едва заметные, будто прожилки, вверх по веревке и... к самому колоколу? Нет, скорее, к балке, на которой он висел.

«Ага! Нашел точку отказа! — воскликнул Ваняша. — Не колокол виноват, а связующее звено! Этот... налет! Он гасит удар, искажает вибрацию!» Он ткнул пальцем в липкую гадость. На миг ему показалось, что паутина шевельнулась, а в ушах прошелестел ехидный смешок. *«Умно-умно... Да только счистишь ли? Это же не грязь... Это сама Суть Кривды! Она въелась!»*

«Батюшка! — крикнул Ваняша вниз. — У вас тут есть... ну, что-то очень крепкое? Для чистки? Уксус? Деготь? Святой воды побольше? И... кувалда! На всякий случай!»

Снизу донесся неожиданно громовой, раскатистый голос, явно не принадлежавший отцу Никодиму:

«Кувалду говоришь, спаситель? Сейчас подам! Держи!»

Что-то тяжелое и большое полетело вверх по лестнице. Ваняша инстинктивно поймал... и едва не рухнул под весом. В руках у него была **настоящая кувалдища**. Не инструмент, а оружие богатырское! Рукоять — из цельного дуба, боевая часть — увесистый стальной параллелепипед, начищенный до блеска. Веса она, как минимум, полпуда.

«Вот это... инструментарий! — выдохнул Ваняша, с трудом удерживая монстра. — А кто там снизу?»

На площадку колокольной, сгибаясь под низкой дверью, втиснулся **человек-гора**. Монах в поношенном подряснике, но под ним угадывались плечи, как у медведя, и руки, толщиной с добрые оглобли. Лицо — широкое, добродушное, с окладистой бородой и хитрыми, веселыми глазами. Он был на голову выше Ваняши и втрое шире в плечах.

«Отец Кузьма, к твоим услугам! — прогремел великан, легко подхватывая кувалду, которую Ваняша едва удерживал. — Слышал, тут колокол наш занемог? И мужик новый, с железной кобылой? Я — здешний сторож, плотник, да и по мелочи... чего починить надо. Батюшка Никодим сказал, ты знаец?»

«Иван Строев, — представился Ваняша, все еще впечатленный размерами отца Кузьмы. — Колокол... не то чтобы знаю, но точку отказа нашел. Вот эта гадость на узле». Он показал на липкую паутину.

Отец Кузьма наклонился, его нос чуть не коснулся узла. Он понюхал. «Фу-у... Знакомый дух. Кривда. Она любит в щели забиваться, в слова, в мысли... а тут вот и в веревку влезла. Поганая». Он выпрямился, поглаживая бороду. «Святой водой отмывать пробовали — слабо помогает. Скребком чистили — нарастает снова. Как ржавчина злая».

«Ржавчина... — Ваняша задумался. В его практике была борьба с коррозией. — Значит, нужен комплексный подход. Механическая очистка плюс химическая обработка плюс... духовное воздействие. Отец Никодим! Святой воды и кисточку! Побольше! Отец Кузьма... а твоя кувалда, она чистая?»

Монах-богатырь ухмыльнулся: «Чище чистого! Я ее в Великий Четверг в освященной купели вымачивал! Бить кого?»

«Пока никого, — успокоил его Ваняша. — Но держи наготове. А сейчас... дай-ка сюда». Он взял у отца Кузьмы здоровенный ржавый гвоздодер, который тот достал из недр подрясника, словно волшебник. «Будем хирургию делать. Держи веревку, крепко!»

Ваняша уперся ногой в балку, поддел гвоздодером под липкую паутину у самого узла и рванул на себя со всей спасательной силой. Раздался мерзкий, склизкий звук, будто рвали гнилую ткань. Клубок черно-серой гадости оторвался, оставив на веревке и ушке языка темное, маслянистое пятно. В воздухе повис едкий запах лжи и предательства. Где-то рядом язвительно зашипело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.